

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Цель настоящей статьи – на примере понятия «естественный закон» выявить основные особенности формирования языка политико-правового дискурса Нового времени. Методологическую основу исследования составили разработанные семиотикой подходы к анализу знаковых систем (к числу которых относится и язык политико-правового дискурса) в культурном контексте. В результате проведенного исследования было установлено, что формирование языка политико-правового дискурса в период раннего Нового времени происходило в условиях сосуществования ряда исторических типов мировоззрения при определяющем влиянии активно развивавшегося в XVII веке языка естественных наук. Понятие «естественного закона», соотнесенное с естественно-научным понятием «закона природы», приобрело базовый характер для политико-правового мышления эпохи модерна.

Ключевые слова: политико-правовой дискурс, язык, семиосфера, естественный закон, Новое время, мировоззрение, механистическая картина мира.

П.С. Жданов

Доцент кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент

В данном сообщении на примере понятия «естественного закона» показывается, как в условиях культурных трансформаций раннего Нового времени (начало XVII – середина XVIII века) менялся язык политико-правовой философии. Выбор данного понятия в качестве предмета рассмотрения продиктован тем, что именно в естественно-правовом дискурсе пересекались сферы юриспруденции, этики, теологии, естествознания. В силу этого в содержании понятия «естественного закона» одновременно отражались и новые мировоззренческие процес-

сы, и традиционные представления, унаследованные от средневековой картины мира.

Перед тем как непосредственно обратиться к интересующей нас проблематике, рассмотрим несколько вопросов методологического плана. Поскольку речь идет о философско-правовых воззрениях в условиях культурной трансформации, т.е. о чем-то заведомо изменчивом, целесообразно основное внимание направить не на отдельные идейные конструкции, а на определенный тип политико-правового мышления, а также на соответствующий дискурс, в котором это мышление нашло свою реализацию. Таким образом у нас будет возможность проследить общую динамику, которой подчинялись отдельные явления в области политико-правовой философии.

Обращаясь к исследованию политико-правового мышления, важно отметить, что мышление имеет языковую форму. И именно языковая форма предопределяет его социальный характер. Поскольку язык общественной коммуникации одновременно служит и языком человеческого мышления, индивидуальное сознание во многом обусловлено рамками, которые налагает на него языковая среда данного общества.

Согласно М.Ю. Лотману, языки в смысле знаковых систем, служащих для сохранения и передачи информации, сосуществуют в рамках так называемой семиосферы, структура которой асимметрична. В ее центре находятся «наиболее развитые и структурно организованные языки», принципы организации и нормы которых заимствуются иными участками семиосферы¹. В од-

ном культурном пространстве могут одновременно находиться языки, порожденные прежними эпохами, и языки, которые еще только формируются.

Язык как нечто структурно организованное имеет относительно стабильный характер, определяя для индивидов возможность коммуникации. Сам же процесс коммуникации осуществляется посредством речи (в частности, в виде текстов). Совокупность тематически связанных между собой текстов можно определить как дискурс². В этом случае в понятие дискурса кроме множества текстов включаются еще и правила создания этих текстов³. Эти правила представлены не только лингвистическими нормами, но и установками социально-психологического характера. Они могут отражать конкретные культурные характеристики субъектов дискурса, задавая при этом содержание и структуру последнего. Таким образом, дискурс кроме самих текстов, включает также и экстралингвистические факторы (картина мира, мнения, установки, цели субъектов), необходимые для понимания текста⁴.

Сложившиеся правила построения дискурсивных практик во многом определяют горизонт возможных суждений и высказываний участников коммуникации, а также их поведение. Например, М. Фуко видел в дискурсах каналы установления и осуществления власти, рассматривая язык в качестве «орудия, объекта и результата механизмов власти»⁵.

Политико-правовые концепции как завершенные идеологические образования являются абстракциями, которые синтезируются из содержания определенной совокупности текстов. При помещении их в иной культурный контекст (например, в контекст исследователя) указанные тексты неизбежно получают новую интерпретацию, которая в большей или меньшей степени искажает их изначальный смысл. Поэтому намеченная задача по анализу интересующих нас аспектов современного политико-правового мышления предполагает недопустимость при обращении к соответствующим образцам дискурса отрывать их содержание от того культурного контекста, в котором они первоначально существовали, т.е. от конкретного семиотического пространства.

Следует отметить, что для культуры раннего Нового времени характерной чертой выступает одновременное существование культурных кодов, порожденных разными историческими эпохами.

Прежде всего, для формирующейся новоевропейской цивилизации и на лингвистическом, и на мировоззренческом уровне сохраняют значимость языки средневековой культуры. Связь со средневековым мировоззрением поддержи-

валась, главным образом, в силу того, что европейская культура раннего модерна в основе своей по-прежнему была культурой христианской. От предшествующей эпохи к ней перешла система религиозных понятий, образов и символов, занимавших важное место в сознании людей. Востребованным осталось и интеллектуальное наследие Средневековья. Ключевые тексты представителей схоластики продолжают переиздаваться и в XVII веке. Многие авторы этого времени, при всей своей неприязни к застывшим формам средневековой философии, тем не менее активно используют схоластический лексикон и приемы рассуждения.

Другой важной составляющей культурного ландшафта раннего модерна было родившееся в эпоху Ренессанса гуманистическое мировоззрение, для которого центральное значение имели человек и его интеллектуальная свобода. Именно в рамках ренессансной культуры были сформированы ключевые для науки и философии Нового времени принципы, такие как опора на опыт и здравый смысл, а также представление о возможности рациональной критики любой системы ценностей.

Наконец, определяющим фактором для новоевропейского мировоззрения рубежа XVI–XVII веков стало динамичное развитие естественных наук. Язык новой науки постепенно приобретал доминирующую роль в культуре модерна. Базовыми чертами этого типа мирозерцания, проявившимися уже в галилеевой физике, были установка на выявление элементарных отношений, лежащих в основе всех сложных явлений, сведение качественных характеристик к количественным. Механистическая картина мира, порожденная естествознанием, из области физики переносилась и на другие сферы познания, в частности на теорию общества. Примеры такой «социальной механики» мы видим в концепциях Т. Гоббса и Б. Спинозы.

Исследуя политико-правой дискурс раннего модерна без учета указанного многоязычия – одновременного существования и взаимопроникновения разных мировоззрений – мы рискуем сформировать чересчур упрощенную картину процессов в данной области. Мыслители XVII века, использовавшие язык позднесредневековой философии, вероятно, не давали себе отчета в том, насколько они переосмысливают его основные категории. На первый взгляд, естественный закон, о котором пишут юристы и философы раннего Нового времени, тождествен естественному закону, о котором рассуждали средневековые мыслители. Тем не менее очевидно, что значение этого термина для современников революционных открытий в области естествознания не могло быть тем же, что и в эпоху расцвета схоластики.

Как указывает Витгенштейн, значение слова определяется его употреблением в языке⁶. Таким образом, мы должны понимать слова исходя из того, как и для чего они используются говорящими или пишущими. Соответственно, исследование того, как со временем изменяется значение понятий, позволяет формировать картину истории культуры.

Близость лексикона, который задействуется схоластикой и философией раннего модерна, не означает, что сам язык политико-правового дискурса не претерпел качественных изменений в условиях формирования современного мировоззрения. То, что это не так, наглядно прослеживается при сравнении трактовки понятия естественного закона в Новое время с его пониманием в предшествующие периоды.

В условиях средневекового правового и юрисдикционного плюрализма естественный закон воспринимался в качестве действующей нормы, включенной в иерархию норм, восходящих к Божественному разуму. Именно с ним Фома Аквинский соотносил содержание вечного закона, из которого проистекали все остальные законы, включая естественный и человеческий. В частности, естественный закон он понимал как отражение положений вечного закона в разуме человека⁷. Человеческие законы Фома характеризовал как частные выводы из общих положений естественного закона⁸. Таким образом, человеческие законы осмысливались им в качестве проявления установленного Создателем всемирного разумного порядка.

На уровне базовых понятий политико-правовой дискурс XVII века, как представляется, развивает схоластические концепции закона. При этом понятие естественного закона для интеллектуалов того времени должно было соотноситься с понятием закона природы в том смысле, который в него вкладывался естествознанием. В представлении творцов новой науки, ее главной задачей являлось объяснение мира через сведение принципов его устройства к набору простых законов.

Понятие естественного закона для теоретиков права и государства раннего модерна было символом той степени необходимости и всеобщности выводов, которой достигли естественные науки в исследовании природных явлений и которой еще предстояло достичь наукам о человеке и обществе.

В трактате «О праве войны и мира» Гроций выражает намерение придать юриспруденции научную форму и для этого отделить в ней то, что возникло путем установления, от того, что вытекает из самой природы⁹. В определении положений естественного права Гроций отдает предпочтение априорному методу, который позволяет исследователю сохранить независи-

мость от случайностей эмпирического познания. Как и Декарт, он считает ясность и отчетливость восприятия критерием истинности принципов, которые могут быть положены в основание науки. Очевидность принципов естественного права, черпаемых из рассмотрения природы человека, позволяет опереться на них как на аксиомы в процессе дедуктивного выведения отдельных юридических положений.

Томас Гоббс в своих исследованиях истоков политического общества опирается на систему теоретических принципов, в значительной мере восходящих к принципам естественных наук. Отношения людей в природном состоянии он уподобляет отношениям физических тел, движимых силами притяжения и отталкивания. Этические нормы, по его мнению, носят, как и сам политический союз, искусственный характер¹⁰. До появления публичной власти и позитивного закона главным мотивом поступков людей является стремление к сохранению жизни. Этим же стремлением определяется и содержание естественного закона, который Гоббс лишает этического содержания. По сути своей естественный закон в его понимании – это «предписание или найденное разумом общее правило», определяющее путь к сохранению жизни¹¹. Именно поэтому он предписывает стремиться к миру.

Самуэль фон Пуфендорф разделяет природный и нравственный мир, мир необходимости и свободы. Тем самым он подчеркивает, что источником права является разум и свободная воля, а не физическая природа. Тем не менее систему категорий, описывающих нравственный мир, он строит по аналогии с системой категорий философии природы. Категориям пространства и времени в его понимании соответствуют категории состояния – естественного и установленного человеческой волей. Категории субстанций соответствует категория моральных лиц – индивидуальных и коллективных. Пуфендорф различает моральные качества и моральные количества¹².

Определяя содержание естественного закона, Пуфендорф использует резолютивно-композитивный метод, широко распространенный в науке того времени. Он разлагает природу человека на совокупность простейших тенденций: любовь к себе, невежество, слабость¹³ и т.д. Затем с помощью синтеза Пуфендорф формулирует основной закон человеческой природы, а именно принцип «общительности» или «социальности».

Таким образом, мы видим, что язык новой науки, а точнее – математического естествознания, определял основное содержание и принципы построения политико-правового дискурса раннего модерна. Даже сохраняя привержен-

ность ряду категорий и приемов рассуждения, унаследованных от схоластики, представители модерной философии права подчиняют их задачам создания «естественной» системы знания о человеке и обществе. Понятие естественного закона при этом играет поистине ключевую роль.

Однако оборотной стороной этих процессов была утрата естественным законом статуса действующей нормы и превращение его в чисто философскую категорию. Понятием естественного закона в политико-правовом дискурсе Нового времени обозначается не фактически существующий порядок, а рационально обоснованные принципы, которые подлежат реализации в жизни общества. Естественные правовые принципы стали «предметом абстрактных размышлений» философов, оказывая только косвенное воздействие на юридическую сферу жизни общества¹⁴.

На протяжении практически всего периода Нового времени естественное право (в разных интерпретациях) сохраняло за собой статус рационального основания юриспруденции и политической науки. С распространением представлений об изменчивости природы человека и обусловленности его сознания конкретным типом культуры сам термин «естественный закон» практически полностью исчез из европейского политико-правового дискурса. Несмотря на это, критерии рациональности и справедливости, уходящие корнями в естественные правовые доктрины раннего модерна, по-прежнему имели основополагающее значение для характеристики действующих норм. Язык политико-

правового дискурса, сложившийся в период раннего Нового времени, успешно адаптировался к культурным изменениям до тех пор, пока сохраняло свои базовые структурные характеристики семиотическое пространство культуры модерна, в рамках которого данный язык был способен функционировать.

Библиографический список

1. The Cambridge history of political thought, 1450-1700 / edited by J.H. Burns with the assistance of Mark Goldie. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. Pp. xii, 798.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: Издательство «АСТ», 2019. – 384 с.
4. Гоббс Т. Избранные произведения в 2 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1964. – 748 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
6. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. – М.: Гнозис, 2022. – 536 с.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2010. – 704 с.
8. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 512 с.
9. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 90-114. – К.: Ника-Центр, 2010. – 432 с.
10. Фуко М. Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. – 416 с.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2010. С. 254–255.

² Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 115.

³ Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022. С. 184.

⁴ Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 8.

⁵ Колесников А.С. Мишель Фуко и его «Археология знания» // Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. С. 21.

⁶ Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Издательство «АСТ», 2019. С. 47.

⁷ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 90-114. К.: Ника-Центр, 2010. С. 14.

⁸ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 90-114. К.: Ника-Центр, 2010. С. 16.

⁹ Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. С. 52.

¹⁰ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 85–86.

¹¹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С.155.

¹² Dufour A. Pufendorf // The Cambridge history of political thought, 1450-1700 / edited by J.H. Burns with the assistance of Mark Goldie. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. P. 565.

¹³ Dufour A. Pufendorf // The Cambridge history of political thought, 1450-1700 / edited by J.H. Burns with the assistance of Mark Goldie. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. P. 568.

¹⁴ Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 401.

**THE CONCEPT OF «NATURAL LAW» AND THE FORMATION OF THE LANGUAGE
OF MODERN AGE POLITICAL AND LEGAL DISCOURSE**

P.S. Zhdanov

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty
of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor*

The purpose of this article is to identify the main features of the process of forming the language of modern political and legal discourse on the example of the concept of "natural law". The semiotic approach to the analysis of sign systems in a cultural context was determined as the methodological basis of the study. As a result of the study, it was determined that the formation of the language of modern political and legal discourse took place in a situation of simultaneous existence of a number of historical types of worldview, with the main influence of the language of natural sciences. Thus, the concept of "natural law", which was correlated with the concept of the physical "law of nature", acquired a basic character for the political and legal thinking of the modern era.

Keywords: political and legal discourse, language, semiosphere, natural law, modern era, worldview, mechanistic worldview.